

УДК 327(4)(09)

РОЛЬ ГЕРМАНСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ НА ПЕРЕГОВОРАХ В ДЕЙТОНЕ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ БОСНИЙСКОГО КРИЗИСА В 1995 ГОДУ

© 2012 г.

И.Б. Власова, В.С. Павлов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

irina2904@mail.ru

Поступила в редакцию 12.07.2012

На основании документов Министерства иностранных дел ФРГ анализируется роль германской делегации в Дейтоне по урегулированию боснийского кризиса в 1995 году.

Ключевые слова: Германия, Босния и Герцеговина, Дейтонские переговоры, урегулирование балканских кризисов.

Кризис в Боснии и Герцеговине (БиГ) 1992–1995 гг. стал вторым в цепи дестабилизационных процессов на территории Югославии после гражданской войны в Хорватии и столкновений в Словении. Война в БиГ бросила мировой общественности серьезный вызов и заставила международную дипломатию активизировать усилия по урегулированию кризиса. Поиск решений по боснийскому вопросу стал приоритетным направлением действий ключевых участников европейского, да и в целом мирового политического процесса. Одним из таких участников была Федеративная Республика Германия. По завершении воздушных бомбардировок НАТО позиций боснийских сербов, проведенных в конце августа – начале сентября 1995 г., получивших название «Обдуманная сила», германская дипломатия в рамках Контактной группы (КГ) приняла участие в подготовке и проведении переговоров по БиГ в Дейтоне, завершившихся 21 ноября 1995 г. подписанием конфликтующими сторонами мирных соглашений. Инициативы, касающиеся урегулирования кризиса в БиГ, стали важной составляющей внешней политики Германии, однако нельзя сказать, что они оказали решающее влияние на исход этих событий. Основной причиной этого, несомненно, являлся тот факт, что в этот процесс оказались вовлечены куда более влиятельные субъекты международных отношений, такие как НАТО, ЕС, ООН. В целом основное влияние на ход миротворческого процесса в БиГ оказывали США, что во многом определило характер заключительного этапа боснийских событий. Большинство отечественных исследователей едины во мнении, что в ходе урегулирования кризиса сложилась новая система обеспечения европейской безопасности, в которой главную роль играет НАТО [1–5]. Югославия

же стала полигоном отработки новой методики НАТО, целью которой являлось создание системы управляемости миром из одного центра – формально Брюсселя, по сути же Вашингтона. Навязав свои условия мира, зафиксированные в Дейтонских соглашениях, НАТО, по сути, превратили БиГ в международный протекторат – плацдарм НАТО на Балканах. Внимание исследователей было сосредоточено на роли американской дипломатии, к теме германской политики при урегулировании кризиса обращаются немногие отечественные ученые.

В самой Германии тема участия в балканском урегулировании находит различные отклики среди аналитиков и публицистов. Ряд исследователей подчеркивают роль НАТО как основного гаранта безопасности в Европе, арбитра в европейских спорах. К. Фойгт, Д. Манке уверены, что, несмотря на то, что Германия имеет свои собственные интересы на Балканах, их можно осуществить, лишь ориентируясь на действующие международные организации, в первую очередь НАТО, поскольку именно она обладает наиболее эффективными механизмами при решении европейских проблем безопасности [6–7]. К. Кайзер, Э. Витте, Р. Хартман отмечают, что политика ФРГ в Югославии стала ответом на вызовы нового постбиполярного мира [8–10]. Объединение Германии выдвинуло на мировую арену новое государство, которое наконец перестали считать виновником двух мировых войн и которое изо всех сил пытается доказать окружающему миру свою нормальность. На фоне этого возрастает внешнеполитическая активность ФРГ, становится ярко выраженным стремление играть более весомую роль на мировой арене. Югославия стала испытательным полигоном новой германской внешней политики, а радиус действия ФРГ в военной

области существенно увеличился в ходе югославского конфликта. К теме интересов Германии на Балканах обращаются М. Кюнцель, К. Краус, Ю. Элзессер [11–13]. Правящие круги Германии, поддерживая США и оправдывая агрессию, выдают собственные интересы за интересы балканских народов. На этой войне речь идет об открывающемся новом географическом и экономическом потенциале для Германии. Долгосрочной целью ФРГ, по мнению исследователей, является интеграция Восточной Европы в экономическую сферу Запада. Этому мешала Югославия. «Тип всех войн в бывшей СФРЮ был одинаков: главным поджигателем была Германия, американцы тушили этот пожар бензином», – пишет Элзессер [13]. Все исследователи кризиса в Германии отмечают, что боснийское урегулирование было одним из приоритетных направлений германской внешней политики и обусловило принятие правящей элитой принципиально новых важных решений для страны.

Задача данной статьи состоит в выяснении роли германской делегации в Дейтоне по урегулированию боснийского кризиса в 1995 году. Участники и компетентные свидетели переговоров, обозреватели и аналитики, в большинстве своем, скептически отнеслись к соглашениям в Дейтоне [14–17]. Несмотря на то что переговоры положили конец войне, они не ответили на главный вопрос, из-за которого она началась, а именно – сохранится ли БиГ как государство, и каким будет ее внутреннее устройство не на бумаге. Анализируя различные публикации, касающиеся соглашений в Дейтоне, можно с уверенностью сказать одно: все они выделяют доминирующую роль США в ходе переговоров. Р. Холбрук, заместитель госсекретаря США по европейским вопросам, один из авторов и, по сути архитектор дейтонских соглашений, понимал, что такая ситуация может вызвать недовольство со стороны участников КГ. Поэтому Михаэлю Штайнеру, заместителю главы германской делегации, был поручен ряд вопросов, касающихся Соглашения о федерации: «Это было умное решение – вовлечь европейцев в процесс и заставить их чувствовать себя важными. Это было необходимо, так как КГ чувствовала себя исключенной из переговоров...» [18]. Холбрук отмечает, что в начале переговоров встречался с членами КГ каждое утро, но вскоре пришел к выводу, что напрасно тратил время на непроизводительных встречах, вместо того чтобы работать с балканскими лидерами. Поэтому встречи с представителями КГ он делегировал нескольким членам своей команды.

Германская делегация в течение всего времени переговоров составляла отчеты о происходящих событиях. Каждый день переговоров был подробным образом описан и отправлялся в Бонн телеграфным сообщением. Такие ежедневные отчеты с места событий были опубликованы под грифом Министерства иностранных дел ФРГ, и их изучение позволит проанализировать события в Дейтоне с точки зрения германской официальной делегации. Документы МИД Германии несут наибольшую информационную ценность, поскольку позволяют увидеть всю «внутреннюю кухню» дейтонского процесса изнутри. Публикации отчетов воспроизводят специфику телеграфных сообщений, изобилуют аббревиатурами и сокращениями. Германская группа за три недели переговоров передала в Бонн 53 телеграфных сообщения, – описывает процесс руководитель немецкой делегации на переговорах в Дейтоне Вольфганг Ишингер [19, S. 29]. К этому стоит прибавить постоянные телефонные контакты делегации с Министерством иностранных дел, Министерством обороны, делегацией федерального канцлера, который находился в поездке в Азии. Сам Клаус Кинкель, министр иностранных дел, регулярно вмешивался в развитие событий, например целенаправленными телефонными разговорами с конфликтующими сторонами на уровне президентов, боснийского и хорватского министров иностранных дел. Телеграммы выражали преимущественно общее мнение всех членов делегаций, хотя некоторые из них выходили из-под пера лично Ишингера или Михаэля Штайнера, заместителя руководителя делегации.

Уже в самом начале дейтонских переговоров Ишингер подчеркивает значимость их для мировой дипломатии. Он выделял такие вопросы, как новая конституция БиГ, возвращение беженцев, обмен пленниками, контроль над вооружениями и т.д. [19, S. 26]. Руководитель немецкой делегации не зря делает акцент на тех пунктах, которые в то время не считались первостепенными. Анализ телеграмм, отправленных в Бонн, позволяет сделать вывод, что европейские представители практически были отстранены от решения территориальных вопросов, касающихся БиГ, и довольствовались разработкой документов, затрагивающих вышеупомянутые моменты. На протяжении всех переговоров во всех телеграммах отмечается, что позиции в Дейтоне были фактически монополизированы американцами. Сразу же по прибытии Ишингер обращает внимание Бонна на то, что делегация США была наиболее многочисленной, в ней, наряду с Холбруком и его сотрудниками из Госдепартамента, в качестве военного

советника находился и, кроме всех прочих, главнокомандующий НАТО Уэсли Кларк [19, S. 29]. Размышляя о ходе переговоров, глава делегации отмечает, что необычным был даже выбор места их проведения, а именно военная база Райт-Петтерсон, штат Огайо: «Еще в сентябре 1995 в Вашингтоне я говорил заместителю министра иностранных дел Штробе Тальботту, что это неприемлемо для Европы – полностью проводить запланированный диалог вне Европы. Речь идет о европейской проблеме, которая должна решаться КГ в Европе, а не в США» [19, S. 32]. Также руководитель делегации обращает внимание, что у европейских и российских посредников практически не было доступа к СМИ, так как американцы стремились управлять всем потоком информации с авиабазы, а те немногие журналисты, которые допускались к освещению переговоров, были крайне ангажированы. Американская делегация фактически препятствовала контактам прессы и членов остальных делегаций. Одновременно Холбрук делился информацией с определенными им американскими журналистами, в основном эта информация касалась его собственной роли в переговорах. «Многие события не освещались объективно из-за господства небольшого количества привилегированных журналистов. Это позволило отодвинуть многих на задний план» [19, S. 32]. Так, например, американские журналисты писали, что руководителем и движущей силой переговоров был Ричард Холбрук. И очень слабо было освещено прессой, по мнению немецкой делегации, значение для переговоров фигуры американского госсекретаря Уоррена Кристофера, который был самым важным посредником между сторонами на протяжении последних, самых напряженных дней незадолго до окончания переговоров. В ходе процесса практически не велось совместных переговоров США и КГ, с одной стороны, и Туджманом, Изетбеговичем и Милошевичем – с другой, и это тоже является одной из причин, по которой Ишингер выражал недовольство.

Так или иначе, но вопрос территориального разделения страны и вопросы, касающиеся будущего военного присутствия на территории БиГ, были подняты американской делегацией. Уже первая телеграмма выражает раздражение немецкой делегации относительно американского доминирования: «Документ, касающийся мирного урегулирования для бывшей Югославии, представляющий собой итог голосования западных государств – участников КГ, будет передан конфликтующим сторонам уже во второй половине дня, и в нем отчетливо прописано, что Силы по выполнению мирного соглашения

(IFOR) будут находиться под руководством и контролем НАТО» [20, S. 49]. Ишингер сообщает Бонну, что постарается не остаться в стороне от решения наиболее важных вопросов: «Мы стремимся наравне с США завладеть инициативой во время беседы Изетбеговича и Туджмана 2 ноября» [20, S. 51]. Именно в это время США выдвинули вопрос о территориальном разделении страны. Руководитель немецкой делегации обращает внимание Бонна на то, что президент Изетбегович просил его воспользоваться возможностью и «продвигать принцип федерации на территории Боснии и Герцеговины». Но в итоге Германия, как и остальные члены КГ, остались в стороне от решения этой проблемы. Анализируя послания, передаваемые в Бонн немецкой делегацией, можно заметить, что центральным элементом европейского подхода к решению вопроса БиГ является учреждение поста Верховного представителя по БиГ, который должен помочь выполнить необходимые политические задачи координации сторон между собой и многочисленными международными организациями, которые будут вовлечены в этот процесс: «Без функции Высокого представителя мы полагаем, что само понятие урегулирования было бы дефектным», – пишет Ишингер [20, S. 74]. Представители КГ, осознавая, что отстранены от подготовки соглашений, касающихся территориального разделения БиГ, вынуждены были вносить лишь коррективы в отношения между командующим силами ИФОР и Верховным представителем, аппарат и полномочия которого были обозначены ими ранее. В то время как у европейцев речь шла о том, как отчетливо сформулировать политический контроль Совета НАТО над командующим ИФОР, а также отношения последнего с Верховным представителем, – пишет в Бонн Ишингер, – американцы пытались кодифицировать исключительный авторитет военного командующего [20, S. 51]. В итоге в подписанной бумаге требования Германии были учтены: были внесены поправки, что спорные вопросы находятся в ведении обеих сторон, то есть равномерно распределены между Верховным представителем и командующим ИФОР. Будучи отстраненными от решения наиболее важных вопросов, касающихся военного присутствия в стране, немецкая делегация при поддержке других членов КГ, пытается делегировать как можно больше полномочий Верховному представителю, поскольку «военная сторона регулирования не может быть решена в отсутствие соглашений по гражданскому регулированию», – заявляет немецкая делегация. При этом, как отмечается в телеграмме, правительства ЕС полагают, что пост

Верховного представителя должен занимать европеец [20, S. 75]. Доминирование американской делегации очевидно и в вопросе, касающемся конституционного устройства. Телеграмма, отправленная в Бонн по этому поводу, сообщает следующее: «В основу конституционного проекта для БиГ, представленном сторонам 1 ноября, заложена американская программа, но, тем не менее, европейцы смогли одержать победу в очень важных вопросах: более точная формулировка определения гражданства; предложение о непосредственном применении определений Европейской комиссии по правам человека; регулирование деятельности центрального банка; выдвинутое германской делегацией предложение о создании Постоянного комитета по военным вопросам, который находится под контролем гражданских лиц, а также Комитета по урегулированию потенциальных конфликтных вопросов» [20, S. 53].

Разногласия КГ с делегацией США возникли и в вопросе о роли ОБСЕ. Миссию ОБСЕ, как и части ИФОР, должны были возглавлять американцы. Телеграмма, отправленная в Бонн в первый же день переговоров, указывала, что европейцы «смогли дать более реалистичное определение роли ОБСЕ в процедуре выборов» [20, S. 53]. Так, США были вынуждены отказаться от своего предложения, согласно которому ОБСЕ поручалось даже проведение всеобщих выборов в БиГ. Решающую роль в этом сыграл двойной аргумент немецкой делегации, который, с одной стороны, обосновывал чрезмерную загруженность ОБСЕ, а с другой – подчеркивал недопустимость чрезмерного освобождения от ответственности самих сторон, судьба которых решалась в Дейтоне. Новый проект предусматривал учреждение Избирательной комиссии, состоящей из трех общин БиГ, при участии ОБСЕ. Комиссия отвечала за проведение процедуры выборов, ОБСЕ были поручены функции наблюдения и контроля.

Еще один важный момент, который отмечает Ишингер и вся немецкая делегация, – затянутость переговоров во времени. Переговорный процесс длился три недели, тогда как представители Германии, да и все остальные участники, рассчитывали завершить переговоры через неделю после начала. Дело, очевидно, состояло в том, что ни Милошевич, ни Изетбегович, ни Туджман не желали идти на компромисс, пытаясь отстоять свои интересы. А между тем перед сторонами стояли три серьезные задачи: нахождение консенсуса по общим позициям в пределах КГ, вопрос о территориальном разделении страны, а также решение вопроса о конституционном устройстве БиГ. Вообще, переговоры в

Дейтоне проходили очень напряженно, а в последние шесть дней стали настоящим испытанием для сторон. Условия жизни и ведения переговоров на военной базе были близки к походным, пишет Ишингер. Над текстами договора работали весь день, а поздним вечером отправляли телеграммы в столицы. «В конце переговоров все были истощены психически, часто трудились ночами, страдая от увеличивающегося раздражения, от нерешительности партнеров по переговорам, теснота, невозможность побыть в уединении от всех, политическое давление из столиц... Терпеть дальше не мог никто» [20, S. 33]. Рост напряжения хорошо прослеживается в телеграфных сообщениях, которые передавала в Бонн немецкая делегация. Сообщение № 12 от 5 ноября и № 15 от 7 ноября еще исходят из надежды, что процесс переговоров не затянется дольше чем на 10 дней: «После пяти дней заседаний в Дейтоне можно резюмировать, что есть хорошие и плохие новости. Плохие новости состоят в том, что по истечении пяти дней еще не был подписан ни один документ. Что еще хуже, при рассмотрении всех представленных документов не было ни одной всерьез предпринятой попытки редактирования их ни одной из сторон» [20, S. 73]. Озабоченность отсутствием конкретных успехов выразил и Р. Холбрук, объявив, что у каждой стороны могут возникнуть опасения о неудачном окончании переговоров.

Германская делегация отмечает, что заключительный этап переговоров не может начаться раньше 9 ноября, так как только тогда Туджман, который ранее покинул переговоры, вернется из Загреба. «Если мы хотим успешно завершить переговоры согласно плану, то есть через неделю, нам предстоит серия исключительно интенсивных бесед» [20, S. 78]. Однако все присутствующие делегации ориентируются примерно на 13 ноября, поясняет Ишингер: «На это рассчитывает и Милошевич, по крайней мере так он говорил мне в разговоре» [20, S. 78].

Сообщения от 13 ноября, однако, носят двойственный характер. С одной стороны, оставался открытым лишь вопрос о территориальном разделении БиГ, большинство же приложений к соглашению были готовы к парафированию. Однако, с другой стороны, в телеграммах сквозит неуверенность относительно скорого положительного окончания переговоров. Такая растянутасть во времени нарушала планы Кристофера, который собирался совершить рабочий визит в Азию. Туджман заявил, что может остаться в Дейтоне лишь до середины недели (телеграмма с этим сообщением отправлена в Бонн в понедельник 13 ноября). Милошевич также

планировал вернуться в Белград не позднее выходных. Подытоживая это, Ишингер заявляет: «По-прежнему неясно, достигнем ли мы прорыва в боснийском вопросе в течение следующих дней» [20, S. 104]. Именно в этот момент немецкой делегацией был поднят вопрос о целесообразности переговоров и о шансах на их успешное окончание. Текст телеграммы отвечает на вопрос, готово ли американское правительство в случае ненахождения компромисса признать Дейтонские переговоры несостоявшимися и взять на себя ответственность за это. По мнению Ишингера, Холбрук будет склоняться скорее к тому, чтобы продлить процесс еще на пару дней, чем согласится с тем, что переговоры потерпели неудачу. Однако у самого представителя Германии такой уверенности нет: «Мои соображения не следует понимать таким образом, что я верю, что в течение этой отсрочки будет достигнут какой-то результат, я лишь надеюсь на это» [20, S. 104]. В день, который многие считали возможным днем окончания переговоров, отмечено, что в Дейтоне всего приходится добиваться под большим давлением, и снова растущее раздражение и недовольство тем, как американцы ведут переговоры. Следующий день переговоров отражает разочарование делегации и снова ставит под сомнение успех процесса: «В Дейтоне не дойдет до успешного окончания ни в среду, ни в четверг» [20, S. 110]. И 17 ноября «партия никак не подходит к концу». Руководитель немецкой делегации отмечал, что никто не хотел вставать из-за стола переговоров, но все полагали, что смогут улучшить свою позицию еще чуть большим промедлением [20, S. 118]. За три дня до конца переговоров Ишингер беседовал с Изетбеговичем, медлящим ввиду решений, стоящих перед ним, убеждая его в необходимости подписания соответствующих соглашений [20, S. 121]. 19 ноября напряжение в Дейтоне выросло до предела. Сроки парафирования откладывались, назначались новые ночные заседания. Члены делегации отмечали роль госсекретаря Кристофера на заключительном этапе переговорного процесса в Дейтоне: «Он, снова прибыв в Дейтон, ведет переговоры с достойным удивления физическим напряжением, день и ночь. Его личная роль заслуживает признания гораздо больше, чем это преподносят СМИ...» [20, S. 125]. В своем следующем сообщении № 47 от 20 ноября немецкая делегация впервые предприняла попытку подвергнуть переговорный процесс в Дейтоне политической оценке: «Самое трудное задание будет состоять в том, чтобы воплотить в реальность примерно сто страниц мирного договора с его подробными определениями на

месте – в Боснии. Можно ли будет избежать фактического деления, станет понятно только в фазе гражданского дополнения и будет зависеть не только от боснийских сербов и хорватов, но и от боснийских мусульман. Нам предстоит важные и долгосрочные задания, которые мы должны решать в интересах боснийского населения, вовлеченного в самый серьезный конфликт послевоенной Европы» [20, S. 125]. Наконец 21 ноября телеграмма № 53 сообщает о достигнутом соглашении: «Сегодня наши переговоры, начавшиеся прошлой ночью, с американской делегацией, с одной стороны, и Изетбеговичем – с другой, были оценены по заслугам. Церемония парафирования запланирована на 15 часов при участии членов КГ» [20, S. 135]. Так сложно и напряженно проходили переговоры в Дейтоне. Участники немецкой делегации отмечали, что тактика американской стороны – дипломатический нажим, а порой и прямое давление – привела к достижению результата. Финальный аккорд переговоров вызвал у Ишингера противоречивые смешанные чувства. С одной стороны, его обуревают досада, поскольку представители германской делегации, да и всей КГ, были оттеснены на задний план и по сути выступили в роли статистов при Холбруке и Кристофере. С другой стороны, он не может не признать, что давление американцев в итоге и привело к результату.

Рассматривая участие Германии в переговорах в Дейтоне, отметим еще один важный момент. В самом начале конфликта в БиГ, несомненно, существовала заданность германской внешней политики в югославском направлении: так же как и в случае с Хорватией и Словенией, налицо были четкие антисербские установки, в том числе в отношении фигуры Милошевича. Однако, рассматривая сообщения немецкой делегации в Бонн, стоит отметить определенную сдержанность в отношении сербской стороны и Милошевича в частности. По завершении переговоров Милошевич не выглядит однозначно антигероем, как ранее. Уже в день начала переговоров в Дейтоне в Бонн была отправлена телеграмма, в которой о Милошевиче сказано, что он предлагал тесное сотрудничество в ходе предстоящих переговоров, одновременно требуя беспристрастного подхода посредников и надеясь на окончание санкций [20, S. 50]. Упоминается также встреча Кристофера с членами КГ, в ходе которой он сообщил о претензиях Милошевича относительно кампании западной прессы, в частности немецких и американских изданий, а также о мнимых зверствах сербов в Сребренице. По словам Кристофера, Милошевич объявил о своей готовности к переговорам при обосновании этих обвинений. Подводя

итог, Ишингер и остальные члены делегации обозначили свою позицию, согласно которой «для успешных переговоров в Дейтоне важна беспристрастность» [20, S. 52]. Делегация боснийских сербов, которая присутствовала на переговорах, была фактически исключена из переговорного процесса. После того как США провели переговоры с противоборствующими сторонами, боснийские сербы были представлены Милошевичем как руководителем общей сербской делегации. Ишингер вспоминает о поездке в Дейтон: «Крайшник и Буха, два наиболее знаменитых боснийско-сербских представителя, находились в полном неведении о состоянии переговоров и при случае обращались за помощью к нам, немцам, с тем, чтобы получить разъяснения, например о будущем Сараева или по вопросу о границе» [19, S. 33]. Поэтому никого не удивило, что эти представители отказались 21 ноября признать результат и поставить свои подписи под документами. В последнюю минуту ситуация разрешилась благодаря тому, что Милошевич сам поставил свою подпись за боснийских сербов. Такое поведение Милошевича во многом объясняется обстоятельствами, в которые была ввергнута его страна в это время. Желание отмены все более болезненных экономических санкций было сильнее желания бороться за боснийские территории. Поэтому на переговорах в Дейтоне в 1995 году речь для Милошевича шла о стабилизации собственной власти в Белграде. Несомненно, такое поведение Милошевича отражает его сложные и напряженные отношения с руководством боснийских сербов, обострившиеся в 1994 г.

Ряд германских инициатив оказали существенное влияние на ход переговоров. Первым успехом было парафирование 10 ноября так называемого «Соглашения федерации» между боснийскими мусульманами и хорватами, которое помогло достичь существенных успехов в укреплении боснийско-хорватской федерации, а также выработка устава города Мостар. Этим достижением стороны были обязаны немецкой делегации. По инициативе германской стороны уполномоченным правительства ФРГ по делам Боснии Хансом Кошником был доставлен в Дейтон бургомистр Мостара, чтобы выторговать крайне необходимые уступки для города [20, S. 73]. Соглашения о федерации были подписаны в присутствии министра иностранных дел США У. Кристофера и представителей немецкой делегации. Для Холбрука этот промежуточный шаг стал особенно желанным сообщением из-за трудностей в подписании основных пунктов договора (Дейтонские соглашения состояли из общей части и одиннадцати приложений).

Мирный договор, парафированный 21 ноября в Дейтоне, обязан немецкой делегации рядом важных пунктов: решением проблематики беженцев, окончательной формулировкой функций Верховного представителя. Объясняя тот факт, что немецкая дипломатия была вынуждена сконцентрироваться в основном на согласовании гражданских аспектов документа, Ишингер не устает повторять, что «гражданское выполнение мирного урегулирования является столь же важным, как и военная поддержка, ведь на гражданской стороне такие важные задачи, как проведение выборов и учреждение новых демократических институтов» [20, S. 74].

Еще одной важной инициативой Германии было предложение об установлении обязательных для конфликтующих сторон предельных лимитов вооружений, зафиксированное впоследствии в итоговом тексте мирного соглашения. В то время как американская сторона была заинтересована в отмене эмбарго на ввоз оружия, европейцы, прежде всего немцы, ратовали за то, чтобы обязать воюющие стороны к контролю над вооружениями. С подачи немецкой делегации при поддержке Великобритании и Франции, а также при активном консультировании с остальными столицами был выработан документ, взявший за основу ст. 10 Положений об ИФОР, который обещал отмену эмбарго на ввоз оружия в обмен на подписание соглашений о контроле над вооружениями. Вклад немецкой делегации в процесс мирного урегулирования в БиГ получил общественное признание несколькими неделями позже, когда заместитель Ишингера на переговорах, руководитель штаба ФРГ по проблемам бывшей Югославии Михаэль Штайнер, в качестве заместителя Карла Бильдта, стал вторым человеком в офисе Верховного представителя в Сараево.

Давая оценку переговорам в Дейтоне, руководитель делегации ФРГ Вольфганг Ишингер напоминает об итогах четырехлетней войны: о 200 тысячах убитых, о более чем 2 миллионах беженцев, о разрушенных городах и деревнях. Говоря о победах в Дейтоне, он гордится тем, что тысячи беженцев смогли вернуться из Германии в свои дома, что новое правительство Республики Сербской отошло от политики обструкционизма и сотрудничает с международной общественностью, что в БиГ начинают функционировать новые международные учреждения [19, S. 33].

Переговоры в Дейтоне часто расцениваются как «Рах Americana», и на это, несомненно, есть все основания. Однако при анализе переговорного процесса очевидно, что результаты переговоров приняли во внимание интересы некото-

рых членов КГ, и в том числе Германии. Главную роль в урегулировании кризиса играли США. Однако стоит обратить внимание на то, что позиции США и Германии во многом совпадали. Вмешиваясь в события на Балканах, Германия преследовала свои глобальные экономические и геостратегические цели, а также стремилась утвердиться в качестве серьезного субъекта международных отношений. Вовлечению Восточной Европы в глобальные интеграционные процессы мешала Югославия, которая и пала жертвой интересов Запада. Доступ к сырьевым районам, новым рынкам, экономическая гегемония в регионе, облаченные в лозунги признания независимости и защиты притесняемых народов стали внешнеполитической программой объединенной Германии. С согласия европейских стран американская делегация оттянула на себя военный и территориальный аспекты переговоров, европейцы же сконцентрировались на политических и конституционных вопросах, целью которых было создание надежных политических структур. Так, определенные интересы государств – членов КГ, исключая Россию, были гарантированы распределением задач и ролей: Франция, Германия и Великобритания использовали экономическую мощь и политическую власть ЕС; США же обеспечили себе влияние за счет своей ведущей роли в НАТО.

Соглашения в Дейтоне в итоге оставили противоборствующие стороны в состоянии недовольства. Сербь в БиГ военным путем ценой огромных потерь смогли добиться лишь неопределенного государственного статуса в государственной системе под протекторатом НАТО. Хорваты остались недовольны тем, что не получили часть собственной территории, и тем, что их влияние на боснийскую политику незначительно. Боснийские мусульмане, целью которых было более унитарное государство, также не могли полностью удовлетвориться предложенным миром. В целом, по словам журналиста Михаэля Туманна, в Дейтоне «из концептуального противоречия была слеплена организаторская победа». Несмотря на подписанные соглашения очевидно, что стремление международной общественности урегулировать ситуацию на Балканах путем создания на территории БиГ государства, нацеленного на интеграцию, так и не привело к положительному результату.

Список литературы

1. Борко Ю., Орлов Б. И можно ли винить Европу? // *Мировая экономика и международные отношения*. 1996. № 6. С. 74.

2. Пархалина Т. О новой архитектуре безопасности в Европе // *Мировая экономика и международные отношения*. 1997. № 12. С. 16.

3. Тягуненко Л.В. Союзная Республика Югославия на рубеже XXI века. Природа югославского кризиса // *Новая и новейшая история*. 2001. № 3. С. 30.

4. Волков В.К. Новый мировой порядок и балканский кризис 90-х гг. // *Новая и новейшая история*. 2002. № 2. С. 45.

5. Гуськова Е.Ю. Югокризис начал разрастаться с момента его интернационализации // *Международная жизнь*. М., 2006. № 5. С. 74.

6. Манке Д. Параметры европейской безопасности // *Параметры европейской безопасности*. М.: ИНИОН РАН, 1995. С. 10–14.

7. Фойгт К. Безопасность для новой Европы: цель, принципы, политика // *Безопасность, сокращение вооружений и разоружение*. М.: ИНИОН РАН, 1998. С. 14.

8. Kaiser K. Das vereinigte Deutschland in der internationalen Politik // Kaiser K, Maull H. Deutschlands neue Außenpolitik. München. 1995. S. 5.

9. Witte E. Die Rolle der Vereinigten Staaten im Jugoslawien Konflikt und der außenpolitische Handlungsspielraum der BRD (1990–1996) // *In Osteuropa-Institut München. Mitteilungen* № 32. März 2000.

10. Hartmann R. Die ehrlichen Makler. Die deutsche Außenpolitik und der Bürgerkrieg in Jugoslawien. Berlin. 1999.

11. Küntzel M. Avantgarde-Krieg [электронный ресурс]. – Режим доступа: [//www.gegeninformations-buero.de](http://www.gegeninformations-buero.de)

12. Kraus K. Warum dieser Krieg? [электронный ресурс]. – Режим доступа: [//www.gegeninformations-buero.de](http://www.gegeninformations-buero.de)

13. Elsässer J. Nie wieder Krieg ohne uns. Konkret Literatur Verlag, 1999.

14. International Crisis Group: Is Dayton failing? Brussels: ICG, 1999. P. 126.

15. Erlanger S. The Dayton Accords: A Status Report // *The New York Times*. 10 June 1996.

16. Дейтонские соглашения: плохой мир или хорошая война? Интервью с Мухаммедом Шакирбеом [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.euronews.com/2010/11/19/dayton-is-still-the-root-of-what-is-wrong-with-bosnia/>

17. Каким запомнился Балканам американский дипломат Ричард Холбрук [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/2250265.html>

18. Holbrooke R. To End a War. New York: Random House, 1998. P. 236.

19. Ischinger W. 21 Tage Dayton // *Auswaertiges Amt. Deutsche Aussenpolitik 1995: Auf dem Weg zu einer Friedensregelung fuer Bosnien und Herzegowina*. 53 Telegramme aus Dayton. Bonn, 1998. S. 29–32.

20. 53 Telegramme aus Dayton // *Auswaertiges Amt. Deutsche Aussenpolitik 1995: Auf dem Weg zu einer Friedensregelung fuer Bosnien und Herzegowina*. 53 Telegramme aus Dayton. Bonn, 1998. S. 49–133.

**THE ROLE OF THE GERMAN DELEGATION AT THE DAYTON NEGOTIATIONS ON THE BOSNIA
CRISIS SETTLEMENT IN 1995**

I.B. Vlasova, V.S. Pavlov

We examine the role of the German delegation in Dayton during the Bosnia crisis settlement in 1995. The analysis is based on the documents of the Ministry of Foreign Affairs of the Federal Republic of Germany.

Keywords: Germany, Bosnia and Herzegovina, Dayton negotiations, Balkan crises settlement.